

12 ЯНВ. 1973

Газета № . . . .

Б ОЛШОИ красного кирпича дом на улице Маяковского. В коридоре у стен высокие, сколоченные из досок лари. В них богатство — картофель. Возможно, у кого и много его, а Глеб, повиснув на борту, берет в кастрюльку с самого дна. Это и обед, и ужин... Живут они вдвоем. Мать весь день отстукивает на машинке деловые бумаги. Хозяйские дела на нем. Поставив кастрюлю с картошкой в печку, собрался во двор за дровами для старушки, что живет этажом ниже. Она одна, сын на фронте, и Глеб, чем может, помогает ей. Вот только узнать, в чем нуждается, трудно...

Подошел уже к двери, остановился, рассмеялся, сбросив ватник, и, подскочив к зеркалу, подрисовал небольшие усики. У соседа попросил пальто, шляпу и со школьным портфелем под мышкой, сбежав по лестнице, постучал в дверь к знакомой.

— Здравствуйте, я инспектор из военкомата, — рекомендуется он. — Пришел выяснить, как живете, в чем нуждаетесь? Давайте запишем, — и достает из портфеля тетрадь по физике.

— Что же вы в передней, проходите, садитесь, — засуетилась худенькая женщина, близоруко щурясь.

— Ничего, я здесь, — присаживаясь у края кухонного стола, успокаивает «инспектор».

Все выслушав, ушел.

— И надо же! Совпадение! — смеется Глеб Евгеньевич, рассказывая мне об этом. — Через несколько дней его привозят дрова. Представляете, как она всем расхваливала «инспектора»?

...Мы сидим в квартире артиста театра драмы Глеба Писарева в другом доме, у низкого столика, на котором вырезки из газет, театральные программы с дарственными надписями, открытые книги, и вспоминаем то далекое время.

Прodelка с соседкой была не единственной. В трамвае мальчик мог вдруг заговорить голосом кондуктора, по тротуару пройти походкой идущего впереди старика, а на рыбалке, у костра, начать прыгать и жестикулировать, выкрикивать: «Сто тринадцать оборотов! Бем! Бем!» В этом худеньком семикласснике все явственнее проявлялись актерские способности. Но... пришлось после школы идти на завод им. Ульянова сначала

учеником, а потом токарем.

И, однако, когда в марте сорок третьего года при драматическом театре открылась студия, Глеб Писарев поступил туда. Первый выход на сцену в спектакле «Олеко Дундич», а осенью и первая роль — Петьки — в пьесе К. Симонова «Парень из нашего города».

— Стою за кулисами. Зубами стучу от волнения. Слова все вылетели из головы. Вцепился обеими руками в портал. Время на сцену, а я шагнув не могу. Августа Николаевна Горянская схватила меня и с силой толкнула. В комнату к

но и учили вдумчивости, упорному труду.

Особенно в ту пору навелись мне Владимир Александрович Соколовский и как актер, и как человек. Да что говорить о прошлом, если недавно, готовя роль Голутчина в спектакле «На всякого мудреца довольно простоты», начал с того, что попытался представить, как бы сыграл его Владимир Александрович. Как бы он сказал такую-то фразу? Какой жест бы сделал? Какая была бы интонация? На спектакле многие заметили сходство с игрой Соколовского,

тыня — «Вей, ветерок».

Петр в «Последних» Горького, нервный, раздражительный, который говорит о себе: «Я как пустой чемодан, который забыли наполнить необходимыми вещами в дорогу». Хлестаков — труднейшая роль, после исполнения которой Покровский сказал: «Сегодня я имею право по-

моей творческой жизни. И Ильич здесь, — он достает снимок, вглядывается и раздумчиво продолжает: — Ильич здесь — итог долгих раздумий этих лет, изучения огромного количества материала, пробы сил в телевизионной постановке «Из искры — пламя». И все же убежден, что воссоздать полностью характер Ленина не под силу ни одному актеру. Для меня центральной фразой, определяющей одну из черт характера Владимира Ильича в «Третьей патетической», были его слова: «Любить людей — задача адски трудная». Не знаю, в какой степени мне удалось расшифровать это».

Внезапно Глеб Евгеньевич продолжает:

— Вы спрашиваете, как и с чего начинается работа над ролью? Не знаю, как ответить, — охватывает рукой подбородок, жестом Ильича, пожимает плечами. — Для каждой роли у актера должен быть свой ключ. Для того, чтобы стать Маресьевым, в первую очередь, учился ходить, словно на протезах. Просиживал часами, консультируясь в ортопедическом институте, привязывал к ногам гири. Один мужчина на протезах меня чуть палкой не стукнул на Свердловке. Я шел за ним, подражая походке, а он решил, что передразниваю его. А вот чтобы наполненно произнести маресьевскую фразу: «Чтобы знать, что такое небо, надо быть летчиком!», пришлось на «ПО-2» испытать фигуры высшего пилотажа...

Как видите, поиски разные. Иногда от внутреннего идешь к внешности, а иногда наоборот: черточка на лице, прическа помогают понять характер... Каждый актер по-своему пытается осуществить задачу, которую перед ним ставит режиссер. Наш учитель в театральной студии Петр Борисович Юдач правильно учил: «Задайте себе больше вопросов. Вопросы — наши помощники!» Когда они кончатся, на верняка кончается и творчество. Для актера роль никогда не может быть полностью готовой, даже при самой высокой похвале критиков и зрителей. Как видите, работа не из легких, — усмеяется Писарев.

Две фотографии — две роли. Между ними — напряженная творческая жизнь. Она продолжается, ибо не угасает любовь Глеба Евгеньевича к театру и своему нелегкому труду актера.

Н. ПЕРМЯКОВ.

ЖИЗНЬ — СЦЕНА — ЖИЗНЬ

двоюродной сестре Варе не вошел, а влетел и упал. Быстро опомнился, встал, сказал, что требовалось. Народный артист СССР Н. А. Покровский, постановщик спектакля, не знал причины падения, а выход такой ему понравился.

После окончания студии Писарев едет в Ставрополь, где в труппе драматического театра играл его отец. Правда, пробыл там недолго и снова вернулся в Горький.

Поездка и жизнь на стороне, беседы с отцом, работа под руководством его — опытного артиста и педагога — не прошли даром. Глеб как-то сразу повзрослел и на многое стал смотреть иначе.

Театр готовил спектакль «Великая сила». Не ограничиваясь своей ролью в массовых сценах, Глеб самостоятельно работает над ролью Виктора Лаврова. После просмотра его утверждают в ней. Возобновляется постановка пьесы Михаила Светлова «Двадцать лет спустя». Писарев играет Сашку.

Глеб Евгеньевич находит театральную афишу, перебирает другие, раскрывает, читает исполнителей ролей, задумывается.

— Покровский, Самарина, Разумов, Левкоев, Соколовский... Да разве можно было рядом с ними плохо играть? Они же не только сами прекрасно играли,

хотя его в этой роли я и не видел. Таким сходством я горжусь. Соколовский для меня остается и поныне, одним из учителей.

В январе 1950 года художественный совет решил поставить в театре пьесу И. Попова «Семья». На роль Володи Ульянова Покровский предложил утвердить Писарева.

Глеб Евгеньевич встает, подходит к книжному шкафу и долго смотрит на фотографию, где он в гимназическом мундирчике. Оборачивается:

— Растерялся я тогда. Это было неожиданно и устрашающе велико. Я и Володя Ульянов?! Это же наши Дятловы горы и Альбрус. А главное — настоящая роль! Ушел с головой в работу. Уехал в Ульяновск. Много раз говорил с Верой Петровной Преображенской — подругой Ольги Ильиничны — о детских годах Володи. Листал его книги в доме-музее. Сидел за его партией в гимназическом классе. Копался в архивах. Хотелось даже покататься на колышках в сарайчике, где он занимался физкультурой. Все для того, чтобы внутренне подготовить себя, войти в ту жизнь, которой он жил. Был уверен, что до этого просто не имею права произносить слова, принадлежащие ему.

Идут годы. Чередой проходят роли. Лирическая роль пастушка Га-

заравить тебя с рождением полноценного актера». Эпизодическая роль попа Иосифа («Достигаев и другие»), Павла I («Флаг адмирала»), Андрей в «Добром часе» Розова — избалованный, но с доброй, отзывчивой душой, полной смятений и исканий, об исполнении которого Писаревым автор сказал: «А он ничего и не играет, он живой Андриушка». Маресьев в инсценировке Лондона «Настоящий человек». Тристан — «Собака на сене» Лопе де Вега, Беллардо в «Учителе танцев», Незнаком — «Без вины виноватые». Галерея самых различных лиц и характеров. Широкий диапазон в игре актера.

И все же у многих возникло сомнение, когда стало известно, что Писарев будет играть роль Ленина в «Третьей патетической».

Глеб Евгеньевич подходит к книжному шкафу и показывает на фотографии. «Рядом они стоят не случайно, — говорит он. — Володя из «Семьи» и Ильич из «Третьей патетической». Образ Ленина для меня был не новой ролью, а логическим продолжением образа Володи Ульянова. Возмужавшего, закаленного в революционной борьбе, обогащенного знаниями и жизненным опытом. Двадцать лет я надеялся, что когда-нибудь созданный мною образ получит дальнейшее развитие в